

Рустам
ИБРАГИМБЕКОВ:

Мы не проиграем

Известия, — 1998, — 5 нояб., — с. 7

Необъявленная и вялотекущая война между Союзом кинематографистов России и Киноцентром, не раз выплескивавшаяся на страницы печати, снова в стадии обострения. 11 ноября собирается пленум правления российского СК нового состава, где страсти вокруг вождя собственности, можно не сомневаться, закипят с новой силой. Ясно, что яблоко раздора — МЗАО «Киноцентр» — плод древа, именуемого Конфедерацией союзных кинематографистов стран СНГ и Балтии, которая суть законная правопреемница бывшего СК СССР, а ее нынешние члены — они-то и есть совладельцы последних остатков коллективной собственности.

Пикантность ситуации в том, что Председатель Конфедерации СК Рустам Ибрагимбеков, как известно, — постоянный соавтор и друг Никиты Михалкова, Председателя СК России. По существующему положению, Михалков является и сопредседателем Конфедерации, а Ибрагимбеков — секретарем Российского киносоюза по международным связям. В ближайший месяц состоится наконец всероссийская премьера михалковского «Сибирского цирюльника», к которому Ибрагимбеков имеет прямое отношение — все-таки соавтор сценария. Так что библейский сюжет «друг мой — враг мой» просится в новый сценарий. Почему бы и нет?

— Вы только что сказали, что успех фильма, да и любого дела требует энергии послания. Какое послание городу и миру вы можете послать отсюда, где в последнее время — сплошные неприятности, интриги и головная боль по самым неожиданным поводам? Что удерживает вас в Конфедерации?

— Я отношусь к той категории людей, для которых очень важна траектория движения. Иными словами, рисунок. Мне важно не то, куда я иду, а какой рисунок я создаю при этом. Очень часто я принимаю какие-то решения из-за красоты рисунка. Подчас прокиваю себя за это. Но что делать, если рисунок моей жизни требует от меня, чтобы сейчас, в период полного распада, я выполнил то, что могу выполнить только я. Не будь меня, не было бы этой Конфедерации вообще...

— Без сомнения...

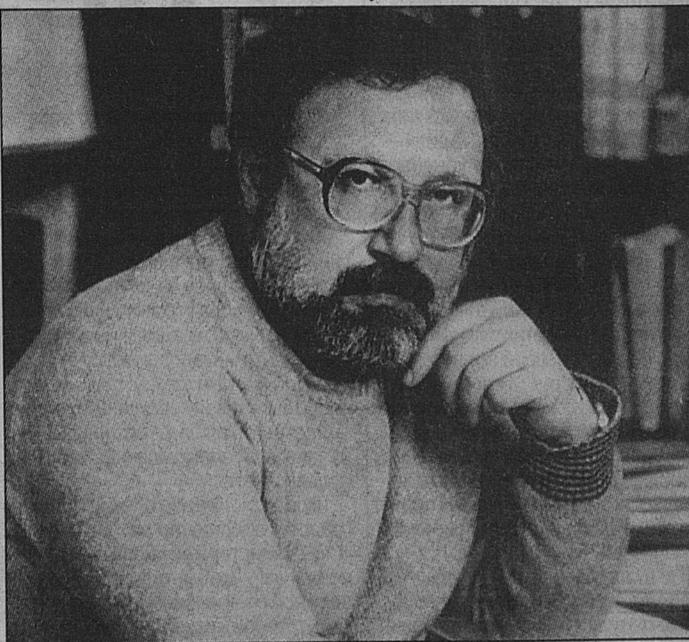
— И пишу я только из-за того, что есть в мире вещи, которые знаю только я и никто в мире, кроме меня, даже самый гениальный писатель, о них написать не может. Есть общая картина мира, и только я могу внести какой-то фрагмент, рисунок в эту мозаику. И точно так же я себя веду во всех других сферах жизни. Дружу с теми людьми, с которыми дружил с детства, — по 40—50 лет. Расстаться с кем-то из них — это выбросить большую половину жизни. Так что в смысле общего рисунка и сейчас поступаю абсолютно последовательно и логично.

В конце перестройки, еще до расвала СССР, задолго до Беловехских соглашений, в Союзе кинематографистов СССР возникла идея чуть-чуть разжать железные объятия дружбы, основанной на вертикальном, централизованном управлении из Москвы, и построить отношения между союзными кинематографистами республик на конфедеративной основе. Союз тогда возглавлял Элем Климов, потом Андрей Смирнов, люди демократического склада и мышления. Они поддерживали и реализовали эту идею. Доклад делал я на пленуме, где и был принят конфедеративный принцип Правления.

Помню, были овации минут 5. В докладе были сформулированы принципы перехода на новую систему отношений. Затем была продумана идея «Киноцентра» как акционерного общества, где каждый из союзов имеет свою долю. Почему АО? Потому что «Киноцентр», само здание, точно так же, как некоторые другие объекты, создавались на общие деньги, которые зарабатывались на производствах, выпускающих открытки с портретами киноактеров, диафильмы, книжки-мультики и т.п. Такие производственные объекты были в Санкт-Петербурге, Москве (издательство), Ереване, Тбилиси, Киеве и Риге. Государство ни копейки не давало на наши дела. Когда распределялись акции, мы решили, что вся недвижимость, находящаяся на территории республик, остается в их владении. Кому-то ничего не досталось, потому что ничего не было построено. России же достались дома творчества в Пахре, Болшево, Репине, Дом кино и много другое — все безвозмездно. Единственное, что мы оставили, как коллективную собственность, — это «Киноцентр» и производственные мощности в Армении, Грузии и на Украине. Дальше пришло новое руководство Союза кинематографистов России, и было решено уволить Л. Мурсу, который был в то время директором Киноцентра. Сейчас, задним числом, я не их решение оспариваю — хочу подчеркнуть, что сделали они это вопиюще неграмотно. Привели какого-то Втулкина, вид у него был весьма сомнительный... Какое счастье, что Втулин куда-то растворился — он был из тех «новых русских», который уж точно всю собственность «захряпал» бы — его, кстати, словцо. В результате Мурса, уйдя в глухую защиту, стал создавать АО на основе индивидуального членства.

— И началась вселенская свара, которой нет конца...

— Вот тогда Конфедерация, российский союз и я персонально подали иск в суд на то АО, которое собралось создать Мурса и К. И только благодаря Конфедерации, так как она является правопреемником бывшего киносоюза, мы пришли к

Рустам Ибрагимбеков

примирению. Суд принял решение, что больше никогда и никто не может оспаривать правомочность создания АО на коллективной основе. Мы вернулись к идее акционерного общества, где акционерами, субъектами права, выступают республики. Избрали С. Говорухина председателем Совета директоров, а вскоре — А.Бородинского — он пять лет им руководил. Кстати, сейчас он главный борец за то, чтобы Киноцентр был отнят в пользу российского союза.

— А как же такое может быть, если существует договор, по которому здание Киноцентра принадлежит всему кинообществу в течение 50 лет и лишь по истечении этого срока договор может быть пересмотрен?

— Вот сейчас я объясню. Итак, только после Бородинского был избран я — продержался на этом посту 10 месяцев, жаль, что не ушел еще раньше, как только в Союз пришел Михалков. Потому что портятся наши отношения, а ими дорожу. Почему-то газета — орган Секретариата СК России многого не помнит. Спрашиваю Игоря Кокарева, главного редактора: «Ты что, не знаешь, что я был избран председателем совета директоров Киноцентра в 97-м, а не в 92-м?». Я секретарь Союза кинематографистов России. Печатный орган этого союза пишет очевидную клевету, перевирает факты, намекая, что все беды начались во время моего председательства. Прекратилась, мол, лекционная деятельность, зато появился интерес к коммерции. Во-первых, я не знаю, что там прекратилось и что появилось. Не знаю, потому что не имел к той деятельности отношения и не уверен, что подобные заявления справедливы по отношению к другим председателям Совета директоров. Дальше в Союз приходит мой друг. Никита Михалков. Я ему сразу сказал, в первые же дни, что интересы

российского союза мне не менее дороги, чем интересы Конфедерации. С этим союзом, с российским кинематографом я связан десятилетиями.

— После чего через какое-то время последовал наезд на Киноцентр со всеми выходящими...

— Все, что у них было, они разорили. Болшево закрыли, в Пахре полздания отдали, Матвеевское выжило только потому, что было под началом Кинофонда. И говорят: отдайте то, что сохранилось. Это наше. Мы сами будем распоряжаться, а вам, то есть республикам, будем давать сколько сочтем нужным. Но есть же честь и совесть, хотя бы нижняя границы нормы... Да сама постановка вопроса оскорбительная и противоречит закону и морали. Дмитрий Пиорунский, зам Михалкова по СК и по фонду культуры, привел с собой целую контору юристов, которые за средства Союза разработали стратегию, как развалить Конфедерацию союзных. Как отнять одно, другое, третье...

— Работают как ЦРУ во время холодной войны.

— Да, они работают как ЦРУ... Денег эта работа требует фантастических. Союз задолжал тысячи долларов банку Пиорунского, взял их под неслыханные проценты — 63%! Это долговая яма, из которой можно вылезти, только отняв здание Киноцентра.

— Никита Сергеевич, видимо, не очень разбирается в экономике и праве или отдал все на откуп команде профессионалов?

— Он был занят «Сибирским цирюльником», другими проблемами Российского союза, кинематографа в целом. И он абсолютно доверяет своему заместителю. Но вот странная вещь, которой я понять не могу. Команда Пиорунского непрерывно говорит о том, что такое громадное здание может приносить гораздо

большой доход, чем приносит. Может быть, это так, и поэтому совет директоров Киноцентра сразу же после съезда предложил все коммерческие проекты Киноцентра, включая «Арлекино», передать в управление российскому Союзу.

— И что же — они с этим не торопятся?

— Да они не хотят этого просто. Они говорят: отдайте нам все здание, и мы сами будем решать, что и кому платить. Тогда я предложил: давайте создадим СП между Киноцентром и российским Союзом. С четким распределением функций. Мы отдаем вам все коммерческие проекты... (Ну, нельзя отдать Пиорунскому кинозалы и кинопрограммы, потому что неизвестно, что он из них сделает. А зал кинотеатровский — один из лучших в Москве). И, если вы считаете, что акционерное общество работает неэффективно, покажите, как надо работать и зарабатывать. Все, что вы заработаете сверх той суммы, которую планировал АО, мы уже не будем распределять по долям, а сразу половину отдаем вам. Из оставшейся половины вы еще 32% получаете — как акционеры. То есть 82% из того, что заработано, получите вы. Они говорят: нет. СП создайте, но чтобы мы сразу получали 82%, без всякой деятельности. А если вас не устраивает, мы просто отнимем у вас это здание. Когда мне говорят такое, — а говорит это г-н Пиорунский, — тут начинает работать моя любовь к рисунку жизни. И я отвечаю: Дима, вы весите где-то под двести кг, но я тоже вешу больше ста. У вас не получится отнять. Давайте говорить по-человечески. Вы богатый человек, у вас банки, заводы, станки, пароходы, у вас целые конторы профессионалов. Ну, а мы организация из пяти человек. Но поскольку мы правы, вам никогда нас не победить. Я вас предупреждаю. Они начали в ответ предпринимать совершенно бандитские меры. Пришли ввосемьмером на собрание директоров, устроили параллельное собрание...

— Пугали?

— ...но так как я вырос на окраине Баку и имею кое-какой жизненный опыт, то я раздобыл эту систему в пух и прах. На следующий день была выставлена охрана и все попытки проникнуть в администрацию были пресечены. А я ушел оттуда, потому что мне это надоело. Но когда началась работа с Госкомимуществом, администрация Пиорунского требовала, чтобы все было оформлено по букве закона. Тут и выяснилось неожиданно, что, хотя здание Киноцентра и было передано в собственность российского Союзу, но, чтобы это решение превратилось в жизнь, следовало выполнить ряд формальностей, которые, как вы видите, выполнены не были. И в Госкомимущество дирекции МЗАО «Киноцентр» было сказано: отдать вы ничего не можете, потому что здание было на балансе ВТЮ «Киноцентр», а вы — его правопреемники

и балансодержатели. Сначала оформите на себя собственность на здание, а потом дарите, кому хотите. И эта акция была совершена несколько месяцев назад. Администрация МЗАО «Киноцентр» выполнила требования закона.

Теперь, выполняя решение Конфедерации 92-го года, мы должны отдать здание Российскому Союзу, но с тем, разумеется, условием, чтобы они тоже были верны обязательствам и не пытались разрушить любым способом акционерное общество, необходимое кинематографистам всех республик бывшего СССР. Но им все это невыгодно. Им нужно здание любой ценой. В ход идут клевета, обман, дезавуирование. Я с горечью думаю о том, что в раже отнять здание Киноцентра, чтобы расплатиться с долгами, которые уже наделал г-н Пиорунский, одолжив деньги у г-на Пиорунского, он, будучи первым заместителем Председателя СК России, пойдет буквально на все.

— Но ведь эта бурная деятельность ставит под удар существование Конфедерации, которая живет на отчисления от долей республиканских киносоюзов.

— Вне всякого сомнения. Сейчас, насколько я знаю, ведется индивидуальная обработка руководителей союзов с предложением отдать на каких-то условиях или продать свои акции российскому Союзу. Получив контрольный пакет, можно разрушить акционерное общество. Вся мощь, все возможности российского киносоюза Пиорунский бросил на это. Обидно, потому что помимо всего, помимо деятельности, все более и более общественно значимой, ценна сама модель Конфедерации. Как ни странно, в сфере кино создана модель, которая должна была лечь в основу СНГ. Мы имеем законченную модель международного сотрудничества бывших республик СССР, организацию с едиными целями. Но чем все это может кончиться, пока не знаю.

— Хотелось бы, чтобы сценарий имел happy end...

— Мы ведь начали с чего? Важен рисунок! Мы никогда не проиграем, если рисунок хорош. Но мы можем потерять Киноцентр и киносодружество в уже привычных, сложившихся формах. Но мы не проиграем. Потому что мы делали то, что должно, как любит говорить мой друг Никита Михалков. И пусть будет, что будет! Но — вы правы — я действительно себя очень неуютно чувствую последнее время. В Азербайджане есть такая притча. Какие-то люди защищали свою крепость, осажденную врагом. Пока в них стреляли, пока пытались сжечь, пока атаковали, они успешно защищались. Но в один прекрасный день их стали забрасывать дерьмом. Тогда они открыли ворота: с таким врагом мы воевать не можем.